

ФЕЛЬЕТОНЪ

На базарѣ.

I.

Коммерсантъ.

— Сударыня? Позвольте облегчить ваше положеніе? Сударыня оборачивается и видитъ предъ собой одного изъ тѣхъ людей, которыхъ именуютъ золоторотами. Онъ худъ, желтъ и такъ оборванъ, точно судьба долгое время грызла его зубами и только что выпустила изъ своихъ челюстей. Просительно и любовно онъ изогнулся передъ ней и говоритъ:—Прикажете понести вашу корзиночку?

Овладевъ корзиной, онъ обращается съ ней бережно и почтительно, и шагаетъ по базару, сзади ея хозяйки, съ такимъ видомъ, точно получилъ министерскій портфель, но считая себя вполне достойнымъ такой чести, скромнѣе и не особенно гордится ею. Онъ сразу опредѣляетъ степень хозяйственной опытности и „сударыни“ и если видитъ, что эта степень не особенно высока—осторожно начинаетъ руководить „сударыней“.

— Вы извольте мясо купить вотъ у этого торговца... очень добросовѣстный человѣкъ и имѣетъ прекрасный товаръ...

У него есть причины рекомендовать именно этого торговца, ибо именно этотъ—заключилъ съ нимъ условіе, по силѣ котораго съ каждаго рубля, взятаго торговцемъ съ доставленнаго ему покупателя, обкусанный жизнью человѣкъ получаетъ въ свою пользу три или пять копеекъ.

— Василий Степанович! Вотъ госпожа желаютъ купить самаго лучшаго мяса...

Затѣмъ онъ поведетъ госпожу къ возу съ картофелемъ. Фирма, торгующая симъ лакомъ, дастъ ему премію по копейкѣ съ проданной мѣры...

— Какъ-же я возьму картофель? освѣдомляется покупательница.

— А онъ дастъ вамъ мѣшокъ... я донесу вамъ въ мѣшкѣ, и возвращу его назадъ...

— Да я было хотѣла извозчика нанять...

— Сударыня! я съ васъ дешевле извозчика возьму...

— Только тово...—говоритъ торговецъ кар-

тофелемъ. Ты, Володька, мѣшокъ-то въ самомъ дѣлѣ принеси...

— Ну, вотъ еще!

— Да... а не какъ прошлый разъ—унесъ мѣшокъ и штаны себѣ сшилъ изъ него...

— Стоить вспоминать...

Госпожа слушаетъ разговоръ и улыбается. Этотъ Володька, принужденный шить себѣ штаны изъ чужихъ мѣшковъ, возбуждаетъ въ ней и опасеніе за цѣлость покупокъ, и состраданіе къ нему.

И въ глубинѣ души она уже рѣшаетъ дать ему цѣлый пятакъ, когда онъ отнесетъ ея покупки съ новой площади въ Ковалиху...

— Сударыня! А потроховъ парочку вы не желаете купить? говоритъ Володька болтая въ воздухѣ потрохами неизвѣстно откуда появившимися въ его рукахъ. По тому, какъ зорко онъ смотритъ по сторонамъ, и какъ держитъ потроха, сударыня догадывается о тайнѣ появленія потроховъ. Ей это неприятно, и состраданіе къ человѣку погибаетъ въ ней предъ силой опасенія, внушаемаго имъ.

— Нѣтъ, не надо, сухо говоритъ она.

— А я бы за пятнадцать копеекъ...

— Гривенникъ! объявляетъ барыня. Въ принципѣ она противъ покупки краденаго, но если такъ дешево?

— А двѣнадцать копеекъ, сударыня, не дадите?

— Гривенникъ?

Она торгуется только потому, что не хочетъ поощрять дурныхъ наклонностей этого человѣка; ей кажется, что продавъ потроха такъ дешево, онъ не будетъ красть въ другой разъ.

— Извольте! говоритъ онъ.—Вотъ я ихъ тутъ въ корзиночку помѣщу... А свеклу вы не купите у меня?

Свекла у него запазухой. Барыня начинаетъ подозрѣвать, что тамъ сложно еще много кое какихъ пищевыхъ продуктовъ. Ей становится положительно противно смотрѣть на этого человѣка, вслѣдствіе чего она даетъ ему за свеклу съ прибавленіемъ четырехъ деревянныхъ ложекъ—только семишникъ.

Затѣмъ, купивъ все, что ей было нужно, она обвѣшиваетъ коммерсанта съ ногъ до головы кульками и узлами и, пропустивъ его впередъ себя, идетъ домой. А Володька, согнувшись въ три погибели, быстро шагаетъ по тротуару, вѣрный своему намѣренію до-

ставить барынѣ покупки дешевле извозчика и подорогѣ мечтаетъ о преміяхъ, причитающихся къ полученію съ знакомыхъ ему фирмъ... и о прочемъ, болѣе выгодномъ и для него, и для его личныхъ покупателей...

II.

Герой.

Въ толпѣ покупателей ходилъ старикъ съ лицомъ бульдога. Брови у него нахмурены сурово, но глаза смотрятъ просительно и скорбно. Темная кожа отвислыхъ щекъ покрыта серебристой щетиной. Онъ одѣтъ въ солдатскую шинель, на груди его георгиевскій крестъ и нѣсколько медалей. Лѣвая тога замѣнена тяжелой и неуклюжей деревяшкой, которая, глубоко вонзаясь въ снѣгъ, оставляетъ въ немъ круглыя ямки...

Постоянные торговцы на базарѣ при идѣ этой сѣрой, качающейся фигуры, отвертываются въ стороны отъ нея и лица, ихъ выражаютъ опасеніе, недовольство, скуку. Старикъ идетъ мимо нихъ, туда, гдѣ стоятъ юза приѣзжихъ крестьянъ и тамъ, остановясь у воза, тономъ важнаго покупателя спрашиваетъ:

— Хорошіе гуси?

— Первый сортъ! Извольте взглянуть... одинъ жиръ!

Старый солдатъ взвѣшиваетъ на лѣвѣ птицу, внимательно разматриваетъ, щупаетъ, нюхаетъ... и вдругъ говоритъ продавцу:

— А вотъ въ Болгаріи гуси—эт-то животныя! Какъ свиньи...

— Гдѣ, говорите?

— Въ Болгаріи... за Балканскими горами... Русско-турецкая война тамъ была... Его превосходительство генералъ Скобелевъ вель...

— Та-акъ... слышали... говоритъ продавецъ. Ну, и это тоже птица ха-арошая...

— Крестъ видишь?—тычетъ солдатъ ркой въ свою грудь.—Самъ повѣсилъ мнѣ.

Лицо солдата вздрагиваетъ, глаза блестятъ и онъ молодецки сдвигаетъ свою истребленную фуражку на бекрень.

— Ундер-церъ Мигуновъ, урра! И соей рукой...

— Позволь-ка гуська-то, служивый...—равнодушнымъ голосомъ говоритъ продавецъ. Онъ понялъ, что предъ нимъ не покупатель и ищетъ въ толпѣ глазами то, что ему нуж-

но, не обращая вниманія на солдата, воодушевление котораго все растеть.

— Ротный Шванвичъ—тоже... Мигуновъ—говорить, орель ты... И подблываль...

— Не стой тутъ служивый... отойди къ сторонкѣ... покупателю мѣшаешь,—предлагаетъ торговецъ гусями, отстраняя рукой солдата отъ своего воза.

Старика не обижаютъ это, лишь глаза его гаснутъ и, взглянувъ съ укоромъ на мужика, онъ молча идетъ прочь отъ воза, надвинувъ на брови шапку. Вокругъ его толпятся люди съ озабоченными лицами, въ воздухѣ колеблется гулъ голосовъ.— Жизнь кипитъ и напоминаетъ солдату о привалахъ послѣ похода, о лагеряхъ... Медленно ковыляя въ толпѣ, онъ ищетъ въ ней человѣка, который послушалъ-бы его рассказъ о войнѣ, о томъ какъ тѣснымъ турками, онъ, во главѣ своей роты, отступалъ изъ Ени-Загры. Ему хочется говорить о лучшемъ днѣ своей жизни. Когда генералъ-герой назвалъ его героемъ... Но слушателя—нѣтъ, никто не хочетъ обратить вниманія на старика, никому не интересно знать, гдѣ и какъ онъ потерялъ свою ногу и за что ему дали крестъ... Онъ чувствуетъ себя одинокимъ, обиженнымъ невниманіемъ къ нему и не любитъ всѣхъ этихъ продающихъ и покупающихъ людей... Онъ много разъ видѣлъ смерть предъ собой, и не боялся умереть, а они, при видѣ ея, испугаются... Его немножко утѣшаетъ то, что они хуже его.—У нихъ нѣтъ и никогда не будетъ георгіевскаго креста на груди, они не могутъ быть героями...

Но всетаки онъ хочетъ, чтобъ ктонибудь послушалъ его, узналъ-бы, какъ храбръ Мигуновъ. Съ утра до вечера, полуголодный и иззябшій, онъ ходитъ по базару и все хочетъ рассказать о себѣ. Нѣсколько разъ начинаетъ рассказъ и не можетъ его кончить.—Нѣтъ на базарѣ людей, желающихъ слушать рассказъ о подвигахъ. И старикъ Мигуновъ, чувствуя себя лишнимъ, никому не нужнымъ, забытымъ,—сердится на людей. Онъ толкаетъ идущихъ рядомъ съ нимъ,—толкаетъ ихъ какъ будто не намѣренно, но всетаки толкаетъ и это нѣсколько облегчаетъ его обиду.

Иногда онъ заходитъ въ трактиръ. Тамъ буфетчикъ и половые встрѣчаютъ солдата неприязнью и насмѣшками. Онъ надоѣлъ имъ.

Если они не гонять его вонъ—солдатъ обходить столы одинъ за другимъ и все ищетъ слушателя. И если находитъ—о! тогда старикъ преобразается: рѣчь его течетъ плавно, глаза горятъ, онъ надуетъ щеки, изображая гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, кричитъ слова команды... Надъ нимъ смѣются—онъ не слышитъ, находясь далеко отъ всѣхъ этихъ людей, тамъ, за Балканами, гдѣ земля пила его кровь и гдѣ жизнь его однажды вспыхнула яркимъ огнемъ и онъ увидалъ въ ней смыслъ... И затѣмъ, что-бъ погрѣться около этого огня, онъ раздуваетъ его все ярче...

— Солдатъ! Иди вонъ... надоѣлъ!

Это половой гонитъ его... Онъ встаетъ и громко стуча деревяшкой по полу—уходитъ, а сердце его еще дрожитъ отъ воспоминаній, разбуженныхъ въ немъ.

Онъ живетъ въ углу за печкой, у человѣка, занимающагося ловлей птицъ. Придя домой онъ лезетъ въ этотъ тѣсный и душный, но теплый уголокъ и—если въ этотъ день ему не удалось рассказать о себѣ—онъ ворчитъ:

— Черти... послужили-бы... не бойсь-бы... у, черти!...

III.

Ребенокъ.

— Дядинька-а! Дайти копеечку!...

Небольшой комъ грязнаго тряпья вертится въ ногахъ людей на базарѣ, изъ тряпья протянута маленькая красная рученка, въ немъ сверкаютъ плутовскіе и жадные глаза. Трудно догадаться,—мальчикъ это или дѣвочка, онъ не даетъ разсмотрѣть себя, подвижный, какъ маленькая собаченка. Ему суютъ милостину или гонять его прочь. Монеты, попадающія въ его руку, онъ отправляетъ въ ротъ и всякій разъ, когда получить,—боязливо и подозрительно смотреть въ одну сторону—къ вѣсамъ, гдѣ стоитъ высокая, угрюмая фигура женщины, жирной и одѣтой довольно прилично.

Когда во рту мальчика скопится столько монетъ, что они уже мѣшаютъ ему ноющимъ голосомъ просить копейку,—онъ бѣжитъ туда, къ этой женщинѣ и между ними происходитъ слѣдующее: она протягиваетъ къ нему толстую, широкую лапу, онъ-же выплевываетъ деньги изо рта въ свою руку и потомъ высыпаетъ ихъ на ладонь женщи-

ны. Быстрыми глазами окинувъ количество монетъ, она говоритъ сердито и угрожающе:

— Семь разъ подавали—гдѣ еще одна?

— Ей Богу всё!

— Врешь!

— Ей Богу!

— Видѣла я... подай сюда!

— Да всё, молъ, тутъ!

— Ладно! Я дома поговорю съ тобой...

— Ежели всё...

— Ступай! да смотри—я, вѣдь, вижу!.. все вижу, мошенникъ!

Онъ откатывается отъ нея, снова вьется въ ногахъ толпы и снова поетъ.

— Тетинька-а..., си-иротѣ!..

Вотъ другой такой-же комокъ... И оба они, скрывшись за чѣмъ-нибудь, ведутъ между собой негромкій и быстрый разговоръ:

— Утаилъ?

— Семишникъ...

— А я три копейки...

— У тебя сколько ужъ стало?

— Одинадцать...

— Ухъ! А у меня только семь...

— До вечера еще долго...

— Она говоритъ—я те дамъ!

— Ну! Она и мнѣ...

— Чортъ съ ней!..

— Собака...

— Теперь у насъ ужъ восемнадцать...

— Здорово! По стакану водки—шесть, да...

— Сердца мы давно ужъ не ѣли...

— Налевать на сердце! Лучше паширьсь...

— Папирось я ужъ слязиль...

— Въ порсигарѣ?

— Въ коробочкѣ...

— Эхъ!.. Въ порсигарѣ-бы!

— Да! Больно ты довокъ... Небоеъ самъ не выудишь въ порсигарѣ-то.

— За то я—платокъ.

— Платокъ и я...

— Ну, айда!

— Айда!

И оба снова теряются въ толпѣ...

Среди шума и гула то тамъ, то тутъ раздаются печальные, хватающіе за душу дѣтскіе возгласы.

— Дядинька-а... сиротѣ подай!..